

Марияна Алферова

Небесная тропа



Осторожно!
За соседней
дверью
ведьма!



Марианна Владимировна Алферова

Небесная тропа

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=260512

Алферова М. Небесная тропа: Азбука; Москва; 1996

ISBN 5-7684-0185-7

Аннотация

«... это наверно один из лучших романов в стиле эклектики. У каждого стиля свои законы, и читая детектив обязательно встретишься с разгадкой преступления, а мелодрама скорее всего кончится хорошо (они любили друг друга, были счастливы и умерли в один день). Но когда стили меняются быстрее, чем вы успеваете переворачивать страницы, роман становится непредсказуемым, словно сама жизнь. Игра, блеск и стремительность – вот лучшие характеристики для „Небесной тропы“. ...»

Д.Витман

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	66
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Марианна Алферова

Небесная тропа

Часть I

«Мчался он бурей темной, крылатой...»¹

Глава 1

Анастасии снились только вещие сны. Открывая утром глаза, она подолгу лежала в постели, перебирая в памяти подробности ночных путешествий, вылущивала крупички смысла из шелухи ненужных подробностей.

В ту ночь ей приснился расстрел. Черный ров в болотистой низинной почве, где на дне вырытой ямы сразу скапливалась вода. Стрекот пулеметов, падающие вниз тела. Она стояла на краю ямы и смотрела. Но те, кто умирал внизу, в ямине, ее не видели. И те, кто убивал, не видели тоже. Лишь один человек, упавший в ров, оказался зрячим. Глаза его на мгновение, прежде, чем померкнуть, впились в лицо Анастасии. А губы, искаженные предсмертной гри-

¹ Эпиграфы взяты из стихотворения Николая Гумилева «Заблудившийся трамвай».

масой, дважды беззвучно шевельнулись. Анастасии показалось, что она разобрала по губам одно-единственное слово: «глаз». Напрасно Анастасия силилась проснуться – сон вновь и вновь возвращал ее к влажной ране в земле, наполненной мертвыми человеческими личинками. Она уже готова была упасть в эту яму и очутиться среди мертвых – живая.

– Нет! – закричала Анастасия и открыла глаза.

Несколько секунд она лежала неподвижно, раскинув руки и ощущая невыносимую тяжесть во всем теле. Потом, преодолевая слабость, поднялась и зажгла свечу. Была середина ночи – время, когда до рассвета, даже июньского, бесконечно далеко. Синий потолок с золотыми нарисованными звездами в эту минуту казался настоящим небом.

Увиденное во сне не походило на пророческое видение – это было реальное событие, случившееся уже давно, если судить по одежде, вернее, белью казнимых. Но вот когда точно и кто тот человек, что пытался, умирая, сказать что-то важное?

– Очередная гадость случилась в нашем дерьмовом мире, – прошептала Анастасия. – Только пока абсолютно неясно, какая.

Она взяла свечу и подошла к зеркалу. Но вместо рыжеволосой женщины в мешковатой ночной сорочке она увидела паренька лет семнадцати с длинными, связанными в узел волосами. Анастасия покачала головой и поднесла свечу еще ближе к зеркалу. Теперь появилась девушка в сире-

невом плаще с дорогой кожаной сумочкой через плечо.

– Интересно, – процедила сквозь зубы Анастасия.

Свеча в ее руке дрогнула, и тогда в глубине зеркала возник человек неопределенных лет в железнодорожном купе у окна. На его желтоватое костистое лицо с резко очерченными скулами падали отсветы пронесившихся за окном фонарей. У путешественника были абсолютно белые волосы до плеч. Он пил вино из простого граненого стакана и улыбался.

– Этого еще не хватало! – воскликнула Анастасия.

Изображение тут же пропало. В черной поверхности зеркала теперь не отражался даже огонек свечи.

– И кто же все это объяснит, если я ничегошеньки не понимаю?! – раздраженно пробормотала Анастасия.

Она вышла в коридор, как была, в одной ночной сорочке, со свечой в руке и направилась к соседней двери.

– Викентий Викентьевич! – Анастасия постучала по фанере костяшками пальцев.

Несмотря на поздний (или, быть может, ранний) час, в комнате не спали: изнутри доносилась шумная возня, бросанье предметов и ругань. Лишь после третьего стука дверь наконец приоткрылась, и наружу высунулся толстенький коротышка в одних пижамных полосатых штанах, босиком. Он близоруко щурился и поглаживал ладонями круглый, как арбуз, живот, покрытый черной растительностью.

– Чем могу служить, сударыня? – спросил он с легким поклоном. – Надо полагать, случилось нечто экстраординар-

ное?

– Вот именно. У старухи родился сын.

– Младенец? – уточнил Викентий Викентьевич.

– Нет, сразу взрослый. Вор и бродяга.

– Ну, такое частенько случается. Стоит ли из-за подобной мелочи вскакивать посреди ночи?

– А если я скажу, что господин Фарн направляется сюда?

– Фарн?.. – Викентий Викентьевич испуганно обернулся, будто за его спиной тут же возник господин с белыми, как снег, волосами.

– Не к нам конкретно, – поправилась Анастасия. – А к нам – в город.

– Может быть, все не так страшно? Образуется, так сказать. – Викентий Викентьевич покосился на дверь, шум за которой ничуть не стихал, а напротив, усиливался.

– Мы сделаем вид, что нас это не касается, – задумчиво проговорила Анастасия.

– Как будет угодно, сударыня. – Вновь не без изящества поклонился коротышка. – Решение зависит исключительно от вас. Я все исполню.

Анастасия повернулась, чтобы вернуться к себе, но вдруг остановилась.

– Послушай, киса, Барсик, а почему ты не называешь меня королевой?

– Простите, сударыня, не могу.

– Не тяну, значит, на королеву?

– Сударыня, вы же знаете, как я вам предан!

– Но встречать Фарна на вокзал не поедешь, так ведь?

– Шайтаниров поедет, ему такие поручения по душе. А меня увольте, я человек умственного труда.

Вновь в комнате что-то грохнуло, дзинькнуло, разбиваясь, следом завизжали – истошно и на разные голоса. Барсик вздрогнул всем телом и сделал попытку ретироваться за дверь.

– Послушай, избавься от них! – в сердцах воскликнула Анастасия.

– Никак не могу, – потупился Барсик.

– А если я прикажу?

– Если прикажете, – Викентий Викентьевич глубоко вздохнул, – что ж, дело подневольное, исполню. Но я бы просил нижайше...

– Ладно, ладно, делай, что хочешь, – милостиво разрешила Анастасия и вновь собралась идти к себе, и вновь остановилась. – Знаешь, что этот пацан придумал, а? Будто бы он из параллельного мира на трамвае приехал. Ну, каково? Тебе нравится?

Барсик, услышав такое, даже подпрыгнул на месте.

– Ох, лучше не надо! – воскликнул он в сердцах. – Не люблю я переправы. Пограничье, неопределенность.

– Это теперь не в нашей власти, – заметила Анастасия. Ясно было: сама она на что-то решилась, только боится признаться в этом.

– Ну да, да, одни наделают, а нам расхлебывай. Знаем мы такие штучки.

– Да не ворчи ты, Барсик, киса, – одернула его Анастасия.. – Надоело. Я отправляюсь спать, завтра день будет хлопотный.

– У тебя все равно ничего не получится! – выкрикнул Барсик, и сам сконфузился от таких дерзких слов.

– Это почему же?!

– Потому что тебе никогда не удастся сладить с Фарном. – Он еще больше сконфузился.

– Посмотрим, – прошипела Анастасия.

Вернувшись к себе, Анастасия бросилась на постель, но заснуть не могла – слова милашки Барсика ее уязвили. Можно, конечно, обратить его в крысу или сделать какую-нибудь другую гадость, но вряд ли это утолит ее душу. Глупец! Что он ведаёт об ее замыслах?! Ничего! Сколько лет она таилась и ждала. Все эти долгие-долгие годы казались сном. Но наконец она проснулась. Нельзя сказать, чтобы прежде она не открывала глаза по утрам. Вставала, куда-то шла, делала вид, что врачует, а вечером опять занимала горизонтальное положение на своей широкой продавленной тахте. Один день походил на другой, а часы исправно тикали, и так же исправно опадали листки отрывного календаря. Эпохи разнятся, дни остаются схожими. Когда очередной облысевший календарь вышвыривается в окно, ватная неподвижность сна начинает казаться невыносимой. Время требует соблюдения условно-

стей даже во сне. Окружающим надо предъявлять морщины, седину в волосах, набрякшие вены. Если такие жертвы тебе кажутся чрезмерными, приходится менять имя и тот маршрут, по которому ты ежедневно уходишь из дома.

Труднее всего во сне дожидаться пробуждения. Кто-то должен подойти и тронуть тебя за плечо. Но никто из персонажей твоего сна не может этого сделать. Ни милый Барсик, ни фантазер Шайтаниров. Они послушно ждут пробуждения вместе с тобой.

Но в эту ночь Анастасия проснулась.

Наконец-то! Явь! Как солнечный свет после театральной подсветки. Вещи приобрели плотность, пространство – глубину, тело – силу, разум – ясность. Анастасия вскочила. Достаточно она насмотрелась снов во сне! Теперь дорога каждая минута. В этот раз все должно получиться. Этот паренек сделает все, что от него ждут, хотя сам не подозревает, на какой опасный путь ступил. Главное, чтобы он не испугался, исполнил...

Она оборвала собственную мысль, боясь, что кто-то может услышать ее и помешать осуществить то, о чем она грезила все эти годы.

Глава 2

На ржаво-красных, в потеках, обоях вспыхнули две синие полосы – два отсвета посреди серой важности сумерек. Блики перепрыгнули на потолок и, скользя, принялись обегать комнату. С улицы слышалось звяканье: раскачиваясь на перегоне, мимо окна проносился трамвай. В такт перестуку колес о рельсы вздрагивали блики на потолке. Рик прижался лицом к стеклу. Трамвай был совсем рядом. Казалось, еще немного, и стальная обшивка шаркнет о кирпич накрененной стены. Рик всматривался изо всех сил, пытаясь различить силуэты в вагоне, но видел лишь синее свечение, пронизанное светлыми иглами разрядов. На секунду трамвай застыл напротив окна, будто призывая вскочить на подножку. И подножка эта четко высвечивалась в полутьме, будто не по земле мчался трамвай, а парил в воздухе на уровне третьего этажа. Но Рик растерянно моргнул и подался назад. В следующее мгновение трамвай оказался безнадежно далеко, насмешливо дразня хвостовыми огнями, и перестук колес замер в густеющих сумерках.

– Рик, скотина, ты что, спишь? – Серж тряхнул его за плечо. – Дело есть. – Он хотел наклониться к самому уху приятеля, но не устоял на ногах и, пошатнувшись, шлепнулся на пол.

Рик открыл глаза. Он лежал на кровати, на тощем воню-

чем матрасе, под головой сбилась комом клейкая подушка. Как он очутился здесь, в углу? Ведь только что он стоял у окна, прижимаясь лбом к пыльному стеклу, и смотрел на мчащийся мимо трамвай – два корявых вагончика на ржавых колесах с огромными ребордами.

– Водка дерьмовая, – бормотал Серж, пытаясь подняться, но опять сползая на пол. – От хорошей водки так не может развести... Пр-р-равда? Только от плохой водяры чертики мерещатся.

– Да, от хорошей водки являются настоящие черти, – согласился Рик.

– Ты – зараза, ядовитая зараза, – пробормотал Серж. – Я тебе это говорил? Нет? Короче, я тебе это сейчас говорю. Я еще посмотрю, возьму ли тебя с собой на дело.

«Надеюсь, в последний раз у него ночую», – подумал Рик, стискивая зубы.

– Все-таки ты придурок, – продолжал бормотать Серж, – мозги у тебя умные, а голова гнилая. Настоящего друга из тебя никогда не получится. Вот у меня друг Валька есть, я тебе говорил. В армию весной загремел. А до армии мы с ним как братья. Он – это я, я – это он. Точно, не вру. – Серж выразительно выпятил губы. – Мы друг для друга все, что угодно... Все... – Он потряс пальцем и еще раз сказал: – Все!

Под окнами комнатухи раздраженно звякал трамвай, выворачивая с соседней улицы.

«Догнать, вскочить на подножку и...» Откуда эта дурац-

кая мысль? И сон дурацкий, похожий на бред. Уехать... Чушь! Куда можно уехать на трамвае? Разве что в трампарк. Или, как в старом анекдоте, в Швецию...

– ...У нас с Валькой случай один был, просто хохма, – продолжал тем временем бормотать Серж. – Нет, ты послушай... Девчонка к нам одна забрела. Еще школьница. Коро-че, дура, выпила стакан водки и отрубилась. Ну полностью, как доска.. Мы с Валькой жребий бросили, кому первому. Оттрахали ее по три раза. Хорошо повеселились. К утру она очухалась и ушла. А потом... – Серж затрясся от смеха. – Приходит через два месяца ко мне и говорит: я беременная, женись, мол. Я ее выгнал, конечно, и сразу к Вальке побег – предупредить. А она, дура, у него уже была, и тоже просила жениться. Вот дура! – Серж вылил себе в стакан остатки из бутылки и отковырял от стола засохший бутерброд. – Ведь дура, да, женись, хи-хи...

Рик тоже решил немного посмеяться.

– А я-то думал, чего это вдруг мент тобой интересовался, – проговорил он наигранно-безразличным тоном.

– При чем здесь мент? – Серж растерянно хлопнул глазами. – О чем ты?

– Она вполне могла в милицию заявить: затащили меня, напоили и изнасиловали. Она несовершеннолетняя, срок вам обоим светит верный, причем за групповуху. И заявление она забрать не может, потому как несовершеннолетняя.

Серж подавился водкой и закашлялся.

– Ты ведь прикалываешься, да?

– Нет, серьезно. Это если она дура. А если умная, ментами только припугнет, и сдерет с каждого по сотне-другой баксов. А то и больше. Знаешь, что в зоне делают с севшими по такой статье?

Глаза Сержа сделались совершенно оловянными, с нижней губы потекла струйка слюны. Рик едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, глядя на него.

– Фигня все это! – заорал вдруг Серж, опомнившись. – Никуда она не заявляла! Столько времени прошло!.. Не было никакого мента! Это все твои шуточки дебильные. Гад! Гад! – Серж с облегчением фыпкнул..

«До сих пор трусит, – усмехнулся про себя Рик. – Трусит и спрашивает у каждого: я уже выпутался, ведь правда, выпутался?»

В эту минуту дверь в комнату приоткрылась, и внутрь протиснулась Светка – хрупкая, как подросток, в ярко-синей блузке и белых, сомнительной чистоты брючках. На самом деле ей было уже за двадцать, но ее маленький росточек, пухлые щечки, а более всего умильное выражение наивности в глазах многих и часто обманывало.

– Пожрать принесла? – спросил Серж требовательно.

– Я тебе паек таскать не нанималась, – огрызнулась Светка, – у меня дела поважнее. Я бабку нашу пасла.

– До часу ночи, что ль? – хмыкнул Серж.

Светка пропустила его шуточку мимо ушей.

– Порядок, ребятки, я все развела. Замочек на двери дрянный, его отверткой отжать можно. Дождемся, пока бабка в магазин уйдет – у всех бабок страсть по магазинам шляться. Видака или там стереосистемы у бабульки, конечно, нет, но старинными вещичками пожить можно будет. Антиквариатом разным и золотишком. Это верняк.

– С чего ты взяла? – поинтересовался Рик.

Светка покосилась на него, ощупала взглядом лицо, мягкую рубашку, грязные джинсы. Потом глянула на Сержа, сравнивая. Серж ее явно не устраивал. Но и Рик, судя по всему, не производил впечатления.

– Бабка в этой квартире сто лет живет, еще с довоенных времен. И муженек у нее был из семьи... как это она странно так сказала... во – «из бывших». Да там наверняка в каждом матрасе по десятку бриллиантов зашито.

– Ерунда, в революцию таких обобрали до последней нитки, – усмехнулся Рик.

– Все-то он знает! – озлилась Светка. – Как будто сам присутствовал! А сам ни хрена в жизни не рассекает! Бабки, милый мой, двух сортов бывают: у которых пьяной родни полон двор – у тех выносить нечего, тех свои давно обшмонали. И другие – вроде нашей Ольги Михайловны, одинокие кубышки – они всю жизнь неизвестно на что копят, их тепленькими брать можно. Въезжаешь?

– Она одна живет? – Серж на секунду протрезвел и отнесся к монологу Светки с пониманием.

– Абсолютно! Никогошеньки у нее нет. Муж помер, све-кровь тоже. А сын еще в блокаду с голодухи. Она мне сего-дня битый час про него рассказывала, сопли по веткам раз-вешивала, какой он был хорошенький и умненький... – Де-чонка неожиданно расхохоталась. – Самое смешное знаете что? Звали этого ненаглядного сыночка, как тебя, Эриком. Въезжаешь, Рик? Надо же, такое совпадение! Я, как только это услышала, так сразу поняла, что старушенция нам самим Боженькой послана. Адресок я на коробке записала, – Свет-ка швырнула замусоленный спичечный коробок на диван. – Завтра утречком пусть Рик на разведку сходит, дверь хоро-шенько обсмотрит.

– Почему Рик, почему не я? – пробормотал Серж и попы-тался облапить Светку, но та от него увернулась.

– Потому что завтра ты будешь совершенно никакой. – И Светка направилась к двери.

– Ты куда? – обиженно вякнул Серж. – А секс?

– Сегодня дома ночью, – объявила Светка, и при этом по-чему-то смотрела на Рика.

– Ты думаешь, я пьяный. Да я ни сколечко не пьяный, да тут такое...

Но пока Серж поднимался, скребя ногтями стену, пока, набычившись, мотал головою, пытаясь рассчитать траекто-рию до двери, Светка уже исчезла. Серж сделал бесполез-ную попытку нагнать ее, но, опрокинув чьи-то ведра и тазы в бесконечных закоулках квартиры и обменявшись матерны-

ми тирадами с соседкой, вернулся в комнату.

– Во стерва, – ругался Серж, вползая обратно в свою берлогу, – но хитрая зараза. Дура, но по жизни хитрая.

– Это она придумала бабку ограбить? – спросил Рик.

– Дело мне нравится, – пробормотал Серж. – Простенькое и верное.

– В прошлый раз ты тоже говорил: дело верное. А мы даже дверь взломать не смогли, и ты свой ножик потерял с инициалами.

– Ты, говнюк, больно надрывался! – взвизгнул Серж. – Сам-то ты кто? Бомж долбанутый, вот кто. Или, может обратно к папаше своему трахнутому желаешь вернуться?.. – Серж не доорал все, что хотел, – кулак Рика въехал ему в подбородок.

Серж утробно хрюкнул и, взмахнув руками, шлепнулся на пол, да так и остался лежать неподвижно. Рик встряхнул приятеля за плечи, и услышал в ответ громкое сопение и причмокивание. Серж мгновенно заснул пьяным мертвецким сном и теперь до утра проваливается на полу, как это частенько бывало. Ночь летняя коротка, и не успеет последний трамвай прокатиться по затопленным синими сумерками улицам, а уж вместе с лимонной полоской зари выкатывается из трампарка заспанный первый трамвай, злобно визжит на повороте ребордами и проносится по улицам в погоне за сонными пассажирами.

Рик отыскал среди мусора на столе вполне приличный ха-

барик и закурил. Курил и изображал, что думает. Хотя о чем тут думать? Как выбрать между «нет» и «нет», когда любой выход неприемлем. Уйти отсюда немедленно – позыв был сильный и необоримый, как позыв к рвоте, – из этой заблеванной комнаты, из пропитанной грязью, табачным дымом и руганью коммуналки. Но куда? Обратно домой, где Клава с Орестиком спят на полу, накрываясь старым пальто, а отец умудрился пропить даже конфорки от электрической плиты? Рик не знал, кого он ненавидит больше – отца за его вечные пьяные дебоши, или мать, которая терпит ругань и каждодневные побои? Чем старше Рик становился, тем больше склонялся к тому, чтобы сделать выбор в пользу матери. Слово «терпеть» он ненавидел люто.

Рик докурил хабарик, затушил его о грязное блюдо и решил не думать о неразрешимом, а заняться одним деликатным делом, для которого давно подыскивал подходящий час. Еще три дня назад заметил он на макушке шкафа обувную коробку, замаскированную драными газетами. Судя по тому, как газеты дважды успели поменять свои очертания за эти три дня, было ясно, что коробку частенько спускают вниз, а потом водружают на место. Сейчас, пока Серж мирно похрапывал в углу, Рик подставил к шкафу колченогий табурет (шкаф был старинный, под потолок, и потому невыездной, переходящий от одного хозяина комнаты к другому) и спустил коробку вниз. Втайне Рик подозревал, что Серж прячет там наркотики. Но вместо пакетиков с белым порош-

ком обнаружилось множество кусочков бумаги и картона, неровно обрезанных ножницами. Рик вытащил один наудачу.

«Кошелек, Кошелев Валент. Петр. – 20 лет, или чуть больше, хозяин ларька на углу. Живет с Тонькой-продавщицей, болел триппером, лечился у знахарей, по-пьяни рассказ., что забил насмерть Б., потому что тот пошел поперек Милославу. Очень сильный. Ларек – прикрытие. Сам он в услужении у Милослава (см. «Милослав»). К делу старика-антиквара на Малом пр. причастен точно. Вещи продавал через Тоньку, не таясь»

Рик перевел взгляд с Сержиной коробки на самого Сержа. Тот сладко шлепал губами во сне.

Рик вытащил следующую карточку.

«Светка Винникова, 24 года. Хочет, чтобы я на ней женился. Сама одно время жила с Кошельком. У родителей шикарная квартира на Большом, дверь железная. У папаши наверняка много баксов, но придуривает, ездит на старой «шестерке». Месяц проработала в комке, попалась на краже, с нее удержали «должок» и выгнали. Можно ее использовать до определенного времени, пока я не найду нормальную бабу».

Потом следовала зачириканная строка и приписка:

«Надо подловить ее на каком-нибудь деле и раскрутить ее на тыщонку».

Интересно, что будет, если подсунуть Светке эту карточ-

ку?

«Белкина Танька, живет этажом ниже, папаша ее воображает себя крутым, на самом деле дерьмо. Танчо изображает из себя недотрогу, на самом деле шлюха, как и любая баба».

«Пытался подъехать, но его отшили», – сделал вывод Рик.

«Васька Шатун, связан с Милославом. Когда идет на дело, надевает оранжевую жилетку ремонтника и лоб обвязывает желтой повязкой. Любит называть себя трамвайщиком, хотя никогда по этому профилю не работал».

И для кого он эти данные собирает?..

«Тимошевич, бывший мент, недолго работал в охранном бюро, теперь в услужении у Белкина. Тупица, но кулаки здоровые. Ленив, как всякий русский человек».

Оказывается, у Сержа талант – разнюхивать о людях все самое тайное и грязное. Может быть, эти бумажки предназначены для ментов? Тогда ограбление старухи, всего лишь ловушка, после чего Серж сдаст и Рика, и Светку? Уж больно дело подлое и дурацкое одновременно. Замечательного друга Рик нашел себе, ничего не скажешь!

Рик отыскал свою карточку.

«Рик, Эрик Круглов, восемнадцать лет. Школу не закончил, ушел из последнего класса. Возможно, псих. Работал в частной шарашке по ремонту квартир, но заболел, попал больницу, и его выгнали из артели. Ставит себя очень высоко, но ни на что серьезное не способен. Отец – законченный алкоголик, мать – забитая дура, брат и сестра – дебилы».

Рику показалось, что под ребра ему воткнули заточку. То, что он поведал Сержу в порыве откровения, оказывается, звучало так:

«...Рик прячется и домой не идет. За ним есть уголовное дело, но без свидетелей. Не доказано. Но в случае чего можно надавить. Хорошо бы использовать придурка, сыграв на его самомнении. Но вообще-то он рыбешка мелкая...»

Рик спрятал свою карточку в карман. Затем закинул коробку обратно на вершину шкафа. На Сержа он старался не смотреть, боялся, что не выдержит, схватит со стола нож и всадит в сопящий мешок на полу. Надо бежать отсюда, и немедленно. Какой ответ можно отыскать в этом логове? Нанизывать в уме бесконечные «нет» друг на друга – занятие бесполезное. Для движения вперед необходимо одно короткое «да», как глоток горячего чая утром.

Под окнами вновь забрякал трамвай. Ночь кончилась вместе со злобным скрежетом трамвайных колес за поворотом. Начинался день. Сознывая, что в логово Сержа он уже не вернется, Рик попытался отыскать на столе еще один приличный хабарик, но не нашел. На всякий случай захватил коробок со спичками – тот, что бросила на диван Светка.

Во рту хинно горчило, а на месте желудка ворочался камень. Хотелось разрезать кожу и вытащить проклятый булыжник наружу. Рик выбрался на кухню, налил из соседкиного чайника холодного кипятку, в заварнике нашлось немного бурой жидкости. Он выпил чай без сахара, горький

и холодный, и тут же почувствовал, как все внутри сжалось в комок. Он едва успел добежать до туалета, как его вырвало. Рик заперся в ванной и расплакался от унижения. Он ненавидел свое жалкое существование, свою дурацкую судьбу. Особенно мерзко было ощущать свою исключительность и в то же время чувствовать себя зверем, загнанным в угол. Рик подозревал, что только самомнение и уверенность в своей предназначенности спасают его от окончательного превращения в подонка типа Сержа. Но откуда такая уверенность? Всю жизнь окружающие унижали и топтали его. Разве что чувство избранности заложено в нем от рождения – иного объяснения мальчишка придумать не мог.

Рик отыскал под раковиной оброненный кем-то обмылок, включил холодную воду (горячей в этой квартире никогда и не бывало) и долго мылся под душем. Уже соседи Сержа пробудились и яростно колотили в дверь ванной – пришло время отправляться им на работу и по делам, а Рик все подставлял и подставлял свое костлявое тело под струи воды, ощущая, как с холодом в него медленно проникает странное, почти позабытое ощущение чистоты. Наконец он выключил воду, вытерся собственной рубашкой и покинул квартиру, не представляя, куда пойдет и что будет делать сегодня. Да и завтра тоже.

Хорошо бы, с утра не было дождя. Пусть жара до одурения, пусть ветер или туман, но только не дождь. Дождь слишком подчиняет себе, слишком неволит, ему надо сопротив-

ляться и противостоять, а это отнимает много сил. Конечно, есть люди, которые не замечают дождя, капли стекают по их волосам и коже, а они идут и улыбаются прозрачными льдистыми губами. Но в Рике слишком много тепла, весь он закрученный, взвихренный, спиральный, а не прямоточный, как водосточный желоб. Сам Рик податливых людей не любил и опасался их. Его восхищала твердость, он ненавидел студень и кашу. Вот лестница – она прекрасна в своей тяжелой неподвижности, в ней двести сорок две ступеньки, перила сломаны, а на четыре ступени нельзя наступать. Но Рик уважает ее не за рядность ступеней, не за безыменность счета, а за твердую неподатливость. И еще за то, что она не пытается проникнуть внутрь него и сделать человека своей ступенькой. Да, она может убить, но все равно останется вне его, и за это Рик ей благодарен.

Он остановился этажом ниже, на площадке второго этажа. Здесь было две двери. Одна обычная, фанерная, вторая – инкрустированная деревянной мозаикой, наложенной на стальной каркас. Почему он, Рик, не живет в квартире за этой дверью, а... Тут он услышал звяканье замков внутри и благо-разумно отошел в сторону, непринужденно облокотился на присутствующие на втором этаже перила. Если бы у него была сигарета, он бы закурил.

Из квартиры вышла девушка лет двадцати. Тонкий, как шелк, сиреневый плащ, туфельки на обалденных каблуках, плетеная сумка с золотым замочком. И все же Рик не мог на-

звать незнакомку фифой, завернутой в дорожную обертку лакомой конфеткой. То ли абсолютное небрежение к дорогим вещам, то ли отсутствие кокетливости в движениях и крикливый макияж были тому причиной. Казалось, девушка ставила своей целью не привлечь, а оттолкнуть, спрятаться за внешними атрибутами, за шмотками и краской, и ни в коем случае не выдать себя. Рик ощутил это настолько отчетливо, будто это были его собственные чувства. Девушка открыла сумочку и не торопясь вытащила пачку сигарет. Рик спешно достал Светкин коробок и чиркнул спичкой.

– Огоньку не желаете? – Но подойти к красотке он не успел – между ними возник парень, здоровый, как дубовый шкаф, и схватил Рика за руку.

Рука тут же онемела, будто в нее вкололи десять доз новокаина.

– Убирайся, – прошипел обладатель стокилограммового тела.

– Я только огоньку, – обалдело прошептал незадачливый ухажер.

– Пшел!

Лестница ушла из-под ног, Рик кубарем покатился вниз, пересчитывая ступеньки, и наконец замер в углу пролета, больно стукнувшись коленом о стену.

– Ну зачем так, Тим, – донеслось до Рика. – Вдруг он себе шею сломал?

– Такие живучи, как собаки, – хмыкнул охранник. – Этот

тип, наверняка, из двенадцатой. Не волнуйся, скоро этот гадюшник разорят.

Каблучки лакированных туфелек зацокали возле самого уха.

– Он точно жив? – вновь спросил девичий голос.

Рику представилось, что сейчас девушка пнет его носком туфельки как падаль. Он спешно поднялся, давая понять, что ее участие ни к чему. Он стоял, скрючившись, делая вид, что ему очень больно, но краем глаза наблюдал за Тимом. Его не смущало то, что противник может сделать из него котлету. Просто никому Рик не мог спустить подобное. Тим решил, что инцидент исчерпан, и отвернулся. Тут же нога Рика мгновенно взметнулась в воздух. До головы здоровяка, конечно, не дотянуться не удалось, но и удара в живот вполне хватило, чтобы Тим потерял равновесие и, как мгновение назад Рик, скатился на пролет вниз. Рик не стал дожидаться, когда громила поднимется, высадил ногой узкое лестничное окно и выпрыгнул на улицу. Проходные дворы во всем квартале были ему знакомы, как любой бездомной собаке, и через три минуты он очутился в густом сплетении улиц, в торопливо снующей толпе. Он шел, и его разбирал счастливый смех. Давно он не чувствовал себя так радостно. Ему казалось, что он одержал победу над целым миром. Мерзостный утренний осадок, оставшийся после общения с Сержем, окончательно улетучился. И Серж, и громила Тим, и безвкусно размалеванная девица казались теперь просто

смешными.

Рик, победитель, шагал навстречу неведомому.

Прошагав изрядно, он наконец остановился у книжного лотка, на котором только-только разложили товар, и выбрал книгу наугад. Продавец неприязненно на него покосился, но ничего не сказал.

У Рика был свой метод чтения, им же самим и изобретенный. Самый совершенный и самый быстрый. При этом не требовалось покупать книгу. Сначала Рик читал первые три-четыре страницы – обычно здесь появляется главный герой и говорит свои первые фразы. Обозначен мир, время, мечта. Далее надо перелистнуть страниц пятьдесят и прочесть еще два листа, потом через сотню – еще пару. Несколько намеков, ярких образов (если они есть) с тобой. И дальше ты можешь накручивать на них все, что угодно, – выдумки и реальность, подлость и благородство. Фантазии ему было не занимать.

В этот раз книга попалась странная. Интересными в ней оказались как раз только первые несколько страниц, где излагалась вся суть, а дальше шел бессмысленный наворот событий. Сама идея понравилась: тысячи, миллионы, миллиарды миров, и каждый от другого разнится лишь той малостью, что, к примеру, там, за углом Рик повернет налево, вместо того чтобы свернуть направо. И где-то есть мир, в котором он, Рик, живет в квартире за металлической дверью, а красotka в сиреновом плаще расхаживает в драном свитере

и продает свое тело, чтобы заработать на дозу.

Только стоит ли ради этого создавать целый мир?

Рик отложил книгу и двинулся по улице. Но не прошел и двадцать шагов, как вновь остановился на углу. Куда свернуть? Направо? Налево? В эту минуту, визжа тормозами, к остановке подкатил трамвай. И, повинувшись внезапному решению, как приказу, Рик вскочил на заднюю площадку. Два старых скрюченных вагончика дернулись и помчались, раскачиваясь на рельсах, будто хотели сорваться и улететь далеко-далеко в небеса.

Глава 3

Неужели *он* все еще живет? Каждый вечер и каждое утро она думает об этом, и с годами появляется надежда, что ей все-таки удастся его пережить. Это очень важно. Маленькая, последняя, быть может, единственная победа, которая никому не нужна. Потому что ее жизнь – это только ее жизнь, никем не удлинена. Ни сыном, ни внуком. Но когда *он* умрет, а она останется, тогда будет она доживать не свою жизнь, а Эрикову. Хоть годочек, хоть два, хоть пять... Может, это все и не очень хорошо придумано, но она это придумала, и поверила, и обрадовалась.

Отчетливо представилось, как *он*, обрюзгший, похожий на кусок рыхлого теста, стоит, по-дыбному голый, на коленях перед пустым белым креслом и что-то неслышно бормочет лиловыми старческими губами. Что – не разобрать. Бывает так ночью: проснешься с какою-то внезапной и страшной мыслью. Сегодня опять – *он*.

Как много лет назад, отлепился от каменной стелы моста и загородил узкую тропинку в снегу. А она-то понадеялась, что уже миновала мост. Перед ней был не просто человек – он олицетворял власть. Человек – толстый, власть – непоколебимая. Разумеется, толстым он казался лишь по тем временам. На самом деле он был впалощек, ушанка стягивала в узел голодное темное лицо. Сомнительная его упитанность

говорила о преступности головы и рук. От другого она бы попыталась бежать, несмотря на безнадежность попытки. Но власть, как мороз, сковала ее руки и ноги.

– Что несешь? – милиционер кивнул на холщовый мешок, который она прижимала к груди.

– Это для Эрика, – проговорила Ольга, с трудом ворочая языком.

– Дай. – Он вцепился в мешок и потянул к себе.

Он был сильным, но все же не мог выдрать у нее мешок. Они топтались на месте, вцепившись онемевшими от мороза пальцами в драгоценную холстину, каждый тянул к себе, обливаясь потом и молча стискивая зубы.

За Невою вспыхнули два белых луча прожекторов и заматались по небу. Неведомый отблеск света упал на его лицо, и Ольга разглядела противный нос луковицей и черные, будто налитые мертвой водою глаза.

– Это посылка для сына! Муж с фронта передал! Эрику годик, ты слышишь, ему только годик! – торопливо пробормотала она, как спасительное заклинание.

Но у него было свое заклинание – страшное.

– Пойдем в отделение, там разберемся, кто тебе и что передал. И откуда... – пригрозил он, пыхтя, по-прежнему не в силах отнять мешок.

Упоминание об отделении сделало свое дело: замерзшие пальцы разжались, мешок оказался у него. Он запустил руку внутрь и вытащил банку сгущенки. Сгущенка! Тут же пред-

ставился кипяток, густо забеленный и сладкий.

– Это молоко! – крикнула она. Неужели он не понимает, ЧТО отнимает у ее ребенка?! – Возьмите лучше хлеб.

– Хлеб тоже возьму. Я, в отличие от таких, как ты, голодаю.

Теперь в руках его очутился кусок масла. Секунду он взвешивал его на руке. Потом посмотрел на Ольгу. Глаза... Может быть, в то мгновение глаза его что-то выражали? Она не поняла. Он зажал мешок под мышкою и попытался разломить брикет. Ничего не получалось, пальцы соскальзывали, и он уронил кусок масла в снег. Наклонился поднять. В кармане старой шубки у Ольги лежал ключ – огромный, тяжелый, с острым, как шип, навершьем. Не ключ, а нож. Она видела голую шею, высунувшуюся из ворота шинели, такую тонкую, с удобной, глубокой ямкой посередине. Неужели у нее не хватило бы силы ударить?! Она бы вернула хлеб, и сгущенку, и брикет масла. Эрик остался бы жить. Господь, в которого она не верит, простил бы ей этот грех. Господь бы простил...

Но Ольга лишь потрогала ключ и разжала пальцы. Не удавила. Не смогла. Грабитель выпрямился. Еще раз потискал брикет. Отломился маленький кусочек, меньше трети, и он милостиво вернул его вместе с мешком.

– Бери, всю жизнь будешь помнить и благодарить.

Да, помнит всю жизнь. Будь ты проклят!

...Ольга Михайловна встала. В свете хмурого утра виден

стол с неубранной посудой, в чашке до черноты настоялся недопитый чай. Тихо в квартире. Только слышно, как капает на кухне вода. Окно в доме напротив оживилось тусклым светом. Там встали, суетятся, спешат. Заглатывают яичницу. Ругаются, теряя терпение. Если бы Ольга Михайловна жила за тем окном, она бы никогда не кричала. А лишь счастливо улыбалась, радуясь, что вокруг нее так много живых людей.

Она хотела убрать посуду, потом передумала и подошла к буфету, поправила фотографию в рамочке. За стеклом – полугодовалый Эрик, сидит, прижимая к себе попугая. У Эрика толстые щеки, надутые губы и испуганно-удивленные глаза. Поразительные у него были глаза – как два прозрачных больших изумруда. Но фото черно-белое, и вместо изумрудов получились просто серые кружочки. И зеленый попугай тоже серый, как голубая кофточка, как синие пинетки. Фотографию сделали за две недели до войны. Еще никто не знал, как все будет.

Фото Сергея хранится среди бумаг. Иногда Ольга Михайловна достает его. Но очень редко. Сергей вернулся с войны, но, пожалуй, им обоим было бы легче, если бы он остался там. Упорхнуло ее счастье, выскользнуло из рук, как мешок с драгоценной посылкой. Ночами ей снится не Эрик, нет, а не выпитый им кипяток со сгущенкой. Или масло. Оно тает крошечным желтым солнцем в алюминиевой мисочке с жиденькой кашей. Господи, если Ты есть, пусть там, у Тебя, Эрик каждый день пьет чай со сгущенкой, сладкий-сладкий.

Очень прошу Тебя.

Попросила и перекрестилась на пустой угол без иконы. Грустно начинается новый день. Долгий, обычный. Ольга Михайловна накинула халат и, шаркая отечными ногами, побрела на кухню. Дверь в соседнюю комнату закрыта. Там темно. Уже три года, как умерла Эмма Ивановна. С тех пор в ту комнату Ольга Михайловна заходит, только чтобы вытереть пыль. На другой день после похорон внука Эммы Ивановны от младшего сына Василия три дня разбирала сундуки с вещами. На полу валялись груды ветхих платьев и облезлых меховых горжеток, пачки поздравительных открыток, перевязанных тесемками, драные книжки на французском и немецком без конца и начала. Внука искала сокровища. До внучки дошли смутные семейные предания о прежних богатствах Эммы Ивановны и супруга ее, офицера царской армии. Где же кольца и серьги, и знаменитое украшение из двенадцати бриллиантов?! Напрасно Ольга Михайловна объясняла молодой (то есть сорокалетней) женщине, что немногие ценности, которые удалось сберечь в революцию, Эмма Ивановна благополучно сдала в Торгсин, потому как в послереволюционные годы нигде не работала, а только все проживала. Последние двенадцать бриллиантов у нее украли из сумочки в трамвае в тридцать девятом году, а последнее колечко с изумрудом она «проела» в эвакуации. Племянница в истории эти не поверила, силой ворвалась в комнату Ольги Михайловны, выбросила вещи из шкафа и все перерыла.

Ничего не найдя, принялась орать, что старуха их обокрала, и требовала немедленно «отписать» ей квартиру, такова якобы была воля покойной. Пришлось звонить Гребневу, и он, приехав, выдворял Ирину и супруга ее из квартиры, а после отпаивал Ольгу Михайловну валидолом. Вспомнив о Гребневе, Ольга Михайловна подумала, что тот давненько уже не звонил и в гостях не бывал полгода. Она хотела немедленно ему позвонить, но потом передумала и пошла на кухню.

Кухня в квартире полутемная, напротив окна кирпичная глухая стена почти вплотную. Но Ольга Михайловна не стала включать лампочку. И в полутьме можно нащупать коробок и зажечь газ. Жизнь была слишком долгой и потеряла цельность, распалась на тысячи мелочей: на зажженные по второму разу спички, на старые, хранимые в ящике открытки, на ожидание писем от позабывших ее подруг. Молодые живут иначе, им кажется, что все еще впереди. А впереди ничего нет. Только усталость. И ожидание смерти.

Старуха вздрогнула, когда раздался этот звук... Не сразу сообразила, что стучат в дверь громко, нетерпеливо. Именно стучат, а не звонят. На цыпочках вышла в прихожую, чтобы подпереть дверь гладильной доской: в неурочное время она давно уже никому не открывала. Но гладильной доски на месте не оказалось. А дверь вздрагивала, как живая, под ударами. Старый хлипкий замочек дергался, готовый выскочить из гнезда.

– Мама! – крикнул голос за дверью. – Мама, это же я! Я!

Эрик!

Сердце ее так и покатилося. Дверь выросла в высоту, а звуки сделались резкими, пронзительными до визга. Когда Ольга Михайловна пришла в себя, то поняла, что сидит на полу, сжимая в руках обгорелую спичку.

– Эрик, Эрик, – пробормотала она, – разве ты не умер? Ведь я зашила тебя в голубое одеяло и повезла на саночках... Эрик, значит, ты ожил, да? Ты спасся? Ты чудом спасся?

И руки сами повернули замок.

На площадке стоял паренек лет двадцати в клетчатой рубашке и драных джинсах. Обычный парень, каких много, – невысокий, немного сутулый, с худым бледным лицом. Острые скулы, темные брови, длинные русые волосы стянуты на затылке в пучок. Постой... Но ведь Эрику... Эрику должно быть уже за пятьдесят.

– Что, молодо выгляжу? – засмеялся гость, как будто подслушал ее мысль. – Все очень просто: в нашем мире время течет иначе, – гость обнял Ольгу Михайловну и поцеловал в седые поредевшие волосы. – Я так рад, что ты жива, мама.

Она хотела оттолкнуть его, но не смогла. Коротенькое слово «мама» прозвучало заклинанием, и околдовало ее. За всю жизнь никто ее так не называл. Эрик умер, не начав говорить, а Гребнев все годы, что прожил у Ольги Михайловны, всегда называл ее «тетя Оля». Она заплакала.

– Ну что ты, мама? – Рик отстранился и попытался стереть слезу с ее щеки. – Не надо. Я так хотел тебя увидеть! Потому

первый и согласился на переброс среди добровольцев.

Она посмотрела ему в глаза. Они были зеленые, со светлым ореолом вокруг зрачка. Совершенно невозможный, невероятный цвет.

– Эрик... – выдохнула она и в ту минуту поверила ему совершенно.

– Какое счастье, что ты здесь есть! Мне говорили, что это так, но я не верил. Сказал себе: не поверю, пока не увижу.

– То есть... – не поняла она.

– В моем мире ты умерла, а я остался жив, – прошептал он.

Через пятнадцать минут Ольга Михайловна суматошно металась между плитой, столом и холодильником, не зная, чем таким невероятным угостить своего внезапно объявившегося сына. Впрочем, выбор был невелик: чайная колбаса да яйца. Она решила: пусть будет и то, и другое.

Пока колбаса жарилась, Эрик нетерпеливо приплясывал у плиты, хватал ломти со сковородки руками и отправлял их в рот целиком.

– Неужели в вашем мире еды не хватает? – покачала головой Ольга Михайловна и улыбнулась. – Впрочем, у нас тут совсем недавно было такое... опять карточки... очереди...

– Хватает, – отвечал Рик с набитым ртом. – Но переброс отнимает много энергии. Просто жуть.

– Расскажи мне о своем мире. Какой он? Лучше нашего? – попросила она.

– Не знаю. Там иначе... – обманщик запнулся. – Впрочем, я и вашего мира почти не видел... – он вновь запнулся и сбился с роли.

Мгновенно возникшее между ними доверие исчезло. Ольга Михайловна почувствовала неладное и посмотрела на гостя.

«Жулик? – пронеслось в голове. – Я никогда не была так счастлива, как последние полчаса», – подумала она и вздохнула.

– У нас каждый сам по себе, – спешно заговорил Рик, – каждый носит оружие и воюет сам за себя. Ты невозможно одинок и в столкновении с другими теряешь частицы самого себя, ты все время как будто таешь, уменьшаешься, постепенно превращаясь в «ничто». – Фантазер опять нащупал нужную тональность, голос его зазвучал убедительно, было невозможно ему не поверить.

Это его стихия – фантазия, которая кажется подлинней реальности.

– Чем же мне тебя еще угостить? – засуежилась Ольга Михайловна, будто извиняясь за то, что минуту назад усомнилась в своем ненаглядном Эрике. – А, знаю! Сгущенка! Или... – Она опять засомневалась. – Ты, может быть, ее теперь не любишь?

– Сгущенку не люблю? – расхохотался Рик. – Да что ты, мама! Кто же сгущенку не любит? Это же самая моя любимая еда! – Он вскрыл банку и принялся поглощать густую белую

массу ложками.

Может быть, это как раз та самая банка... ну та... которую отняли?

— Эрик, мальчик мой... — Ольга Михайловна почувствовала, что голос ее срывается. — А там, в вашем мире, тоже был милиционер?

— Что?

— Я тоже повстречала милиционера, когда несла посылку? Рик кивнул и зачерпнул очередную ложку сгущенки.

— И он отнял посылку? — Старуха затаила дыхание.

— Нет.

— Нет? — усомнилась Ольга Михайловна.

— Ты его убила. — Гость облизал ложку.

— Я так и знала. — Она всхлипнула и прикрыла ладонью глаза. Слезы потекли по корявым старческим пальцам, по изъеденным морщинами щекам.

— Я так и знала, — повторила она, — что должна была сделать это. Мне и сон сегодня опять снился. Но я не смогла даже во сне... Не смогла! Прости, Эрик, миленький...

— Да что ты, мамочка, перестань, теперь все хорошо, и мы вместе. — Он привстал и чмокнул ее во влажную щеку.

— Да, вместе, — согласилась она. — Жаль только, что ты раньше не пришел. Я теперь старая, сколько мне осталось-то? Ну годик, два...

— Что за ерунда! Ты теперь просто обязана долго жить!

Он почувствовал, что веки начинает противно жечь. Что

за черт?! Неужели он собрался плакать?..

– А я помню, – вдруг сказал он, – как ты меня кашей из хлеба кормила. А себе из кофейной гущи лепешки жарила на касторовом масле.

Ее лицо на мгновение переменялось, сделалось молодым, красивым.

– А помнишь, как я тебе руки целовала?

– Да, – выдохнул он. – Вот сюда, в середину ладошки.

Она взяла его ладонь и поцеловала.

«Если Серж явится сюда, я его убью», – решил Рик.

Глава 4

Арсений всегда приходил с запасом на вокзал. Любил смотреть, как подают состав. Но в этот раз поезд уже стоял у платформы, хотя из пассажиров в вагоне почти никого еще не было. В купе – тоже никого. Арсений бросил вещи на свою полку и сел.

Неудачная поездка. В издательстве с ним говорили, как с придурком. Мог бы и не ездить, по почте рукопись прислать – тот же эффект. Секретарша записала название рукописи, телефон и адрес в какую-то тетрадь и сказала, что ответ пришлют. К редактору даже не допустили.

Арсения охватила тоска. Не место ему здесь, лишний он на этом городе. Назад, в Питер надобно, и поскорее, подальше от столичной суеты. В Питер возвращаешься, будто вынырываешь из мутной московской глубины на поверхность с льдинами.

А фразочка ничего получилась, закрученная, с привкусом. Можно вставить ее в... Туда, в общем. В блокнотик быстренько «тренькнуть», а то выпадет из головы, как мертвый волос, и смешается с жизненной пылью. Интересно, про «жизненную пыль» тоже тренькнуть, или не стоит? Пожалуй, слишком высокопарно. Арсений вытащил из куртки блокнотик, и шариковая ручка заскользила по странице. В душе сладостно защемило: ничто на свете не доставляло Арсению

такого наслаждения, как кабалистическое скольжение ручки по бумаге.

– Привет, – сказал загорелый мужчина с длинными белыми волосами до плеч, заходя в купе. – Рад, что вы не опоздали, Арсений. – Голос у попутчика был мягкий, вкрадчивый, таким на что угодно можно уговорить, мать родную зарезать или сирот обокрасть.

– Привет – отозвался Арсений и улыбнулся. Улыбка Чеширского кота получилась классической. – Я и не знал, что мы знакомы.

– Статейки ты кропаешь дерьмовые, но перо золотое...

Арсений немного растерялся. Получалось, что этот человек его знал. Читал? Поклонник? Золотое перо... Да какой к черту, поклонник? Материал в «Когте дьявола» печатался желтушный – расчлененка, людоедство, изнасилования и прочие мелкие радости садистов. Все это, в основном позаимствованное из других изданий, обрабатывалось пером Арсения до полной неузнаваемости. Иногда плагиатор громко называл себя «журналистом», но всегда помнил, что слово это в данном случае следует ставить в кавычки. С одной стороны, Арсений гордился, что тираж «Когтя» рос день ото дня, но с другой не мог избавиться от брезгливого чувства. Неужели в этой халтуре заметил незнакомый человек искру Божью.

– Александр Фарн, – представился попутчик.

– Фавн? Ха-ха, забавное имечко!

– Фарн, – попутчик поправил насмешника довольно резко. – Советую запомнить. Ты еще обо мне услышишь.

– Не люблю, когда незнакомые люди обращаются ко мне «на ты».

– Мне все равно, что тебе нравится, а что нет. – Все это Фарн произносил мягким мелодичным голосом.

Арсений вдруг почувствовал беспричинный сковывающий страх.

– Я вашим дружком быть не соглашался... – попытался отстоять свое достоинство Арсений.

Против ожидания Фарн расхохотался.

– Соглашался? – передразнил он. – Разве твое согласие имеет для меня значение?

В следующую секунду Арсений очутился на полу. Как – он и сам не понял. А Фарн продолжал сидеть на своем месте у окна и смотреть куда-то в пустоту.

– Что за черт! – Арсений ухватился руками за нижние полки, но не торопился подниматься, опасаясь, что спутник выкинет новый фортель. – Кто вы такой наконец!

Фарн наконец перестал смотреть в пустоту и перевел взгляд на Арсения. Глаза у него были темные, без блеска, как два кусочка черной бархатистой бумаги. Ни зрачков, ни радужки, ни бликов света – только два кружочка, и все.

– Я люблю пошутить, – отвечал он.

«Странные шутки», – подумал Арсений, но вслух сказать почему-то побоялся.

– Ты все получишь сполна, – продолжал господин Фарн. – Все, что заслужил. Кстати, такой интересный вопрос: кому ты служишь, Арсений? Кому или чему?

– Да никому, – насупившись, отвечал тот.

– Никому, – повторил, будто прожурчал, Фарн. – Очень-очень жаль.

Арсению надоел этот треп, он решил пройти к проводнику и попросить поменять ему место, потому как с сумасшедшим ехать не намерен. Благо поезд ранний, и мест в купированном вагоне было полно.

Он поднялся и шагнул к двери. И тут будто раскаленный гвоздь впился ему в затылок...

– Приехали, белье сдавайте, приехали, – принялся трясти мертвецки спящего пассажира проводник.

Арсений разлепил глаза. Призрачный утренний свет заливал купе. Арсений лежал на верхней полке, одетый, накрытый вместо одеяла собственным плащом. Он передернулся и глянул вниз. Успел заметить пустую скамью напротив и заваленный объедками стол. Вагон подозрительно покачивался, будто и не вагон это был, а корабль в беспокойном море. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за край полки.

– Где он? – Арсений кивнул в сторону пустой скамьи. – Где сосед?

– Сошел, – пожал плечами проводник. – Как поезд остановился, так и сошел. И вы поторапливайтесь.

«Что он со мной сделал-то? Гадость какую-то вколол, что ли? И откуда он меня знал? И кто он такой вообще?» – Мысли промелькнули в мозгу и растаяли хвостовыми огоньками машины в тумане. Ответа искать не хотелось.

Арсений сел рывком, и тут вагон чуть не опрокинулся и не раздавил его. «Журналист» даже охнул от непереносимой тяжести, навалившейся на грудь. Амебой сполз на пол. Ощупал карманы. Все как будто при нем – документы и деньги. Чего-то важного, однако, не хватало. Но чего, он никак не мог вспомнить. Шатаясь и держась за стену, направился к выходу.

Перрон уже успел опустеть, лишь возле первого вагона стоял дядька с грудой чемоданов и, дожидаясь подмоги, яростно отругивался, отгоняя назойливого носильщика с тележкой. Да еще женщина в длинной черной пелерине медленно прогуливалась из одного конца перрона в другой. Арсений двинулся к зданию вокзала, но не успел сделать и двух шагов, как женщина окликнула его:

– Арсений! Гребнев!

Он повернулся и увидел невыразительное лицо с бесцветными сонными глазами. Густые рыжие волосы кольцами рассыпались по плечам.

– Разве мы знакомы? – Арсений дернул ворот рубашки, потому что проклятый перрон стал подозрительно покачиваться, как прежде качался вагон.

– Где он? – спросила женщина вместо ответа.

– Кто?

– Тот, с кем вы приехали. Александр Фарн.

Арсений хмыкнул:

– Сашуля уже испарился. Вы разве его не встретили? Он первым покинул вагон.

– Ну, теперь его не поймаешь, – вздохнула незнакомка. – И что вы собираетесь делать?

– Послушай, чаровница...

Он не договорил – проклятая платформа предательски вывернулась из-под ног, и Арсений полетел в объятия красотки в черной пелерине. Не растерявшись, она подхватила его и удержала от падения с вовсе не женской силой.

– Ты что, пьян? – спросила брезгливо.

– Пьян, пьян, – закивал он. – Фарн этот ваш опьянил меня без вина.

Тут красотка расплылась огромным чернильным пятном и заслонила собой и перрон, и опустевший поезд, прибывший из столицы.

...Очнувшись, Арсений понял, что сидит на скамье, а возле него стоят уже двое: все та же девица в черном и странный тип с пегими волосами до плеч. Одна прядь была абсолютно черной, другая – белой, и так вся голова.

– ...Гвозданул он его, как пить, гвозданул, – скороговоркой говорил Пегий. – Мнемо– континиум нарушен и...

– Поймай-ка нам тачку, – оборвала женщина рассуждения Пегого. – Домой ему надо. Не здесь же им заниматься.

Дальше опять следовал провал. Очнувшись, в этот раз Арсений обнаружил себя на заднем сиденье машины. Женщина помещалась от него по левую руку, Пегий – по правую.

– Большой проспект, – сказала женщина шоферу, и Арсений подивился, откуда дамочка знает, где он живет?

Потом заметил в ее руках связку ключей от своей квартиры. Ну и что – ключи?! На них же не выбит адрес!

– Вы что, со мной? – с трудом выдавил незадачливый попутчик Фарна.

– Разумеется, – отвечала женщина, ласково обняв его за плечи. – Если я тебе не помогу, ты умрешь.

– Умру, – эхом отозвался Арсений.

В то, что вот-вот умрет, он поверил безоговорочно. И как-то не страшно было думать о смерти, даже забавно. Все когда-нибудь закончится. Вот и такси примчалось к нужному подъезду, и лестница эта корявая, ускользающая из-под ног, кончилась, и лифт, рванув вверх, чуть не выдавил внутренности наружу. Дверь быстрехонько отворилась, скрипнув петлями. Как хорошо, что коридорчик крохотный, семь шагов всего. Семь или восемь? И еще пять по комнате пройти до тахты широченной, продавленной, мягкой и пыльной. А руки у этой женщины замечательные, нежные, прохладные, так и хочется поймать их губами. Чудные пальцы! Как ловко они распутывают волосы, как нежно касаются пылающей кожи лба! Вот они сжали затылок, нащупали что-то под кожей и...

Арсений взревел от нестерпимой боли и схватился руками за голову. Да так и застыл, окаменев. Минута прошла, вторая... Он не сразу понял, что боли уже нет, а есть только пустота внутри и усталость в каждой клеточке тела. Поначалу он не поверил, шевельнулся осторожно, ожидая, что боль вновь током пронзит тело. Но ничего не случилось. Только слабость и хинно-горький привкус во рту напоминали о внезапном приступе. Арсений медленно повернул голову и посмотрел на женщину. Та сидела рядом с ним на тахте и держала в пальцах здоровенный ржавый гвоздь, покрытый сгустками крови.

– У тебя из затылка вытащила, – сообщила она и положила гвоздь на тумбочку.

Из затылка?.. Шутка, что ли? Он хотел рассмеяться, но тронул рукою голову и нащупал под волосами глубокую влажную отметину. Губы издали бессмысленный шлепающий звук. Женщина наклонилась ниже, к самому его лицу.

– Знаешь, кто я?

– Нет...

«Нет, нет...» – резонировало внутри головы.

– Я – Анастасия.

«...асия ...асия ...асия...» – гулко отдалось в черепе.

– Зачем он это сделал, не знаю, – чуть не плача, пробормотал Арсений. – Фарн...

Анастасия протянула ему чашку с кофе. Обжигаясь, он сделал глоток.

– Я вспомнил! – закричал Арсений, чашка дрогнула в руке, и кофе пролился на постель. – Вспомнил! Этот гад взял крестик! Мой крестик на цепочке, серебряный, на шее у меня был...

– Дорогой крест?

– Нет, нет, самый обычный... серебряный... но весу в нем – ерунда.

– М-да, не слишком много информации, – усмехнулась Анастасия. – Надеюсь, Барсик нам поможет. – Она погладила Арсения по щеке. – Плохо тебе, да?

Анастасия бесцеремонно стала стаскивать с него одежду. Арсений посторонился, ожидая, что она уляжется рядом с ним. Дрожь возбуждения пробежала по телу. Но ничего из того, что так услужливо нарисовала его фантазия, не последовало. Странная гостья извлекала из-под пелерины литровую стеклянную банку, на три четверти наполненную густой желтой мазью, и, зачерпывая ее горстями, принялась втирать в тело Арсения. Мазь была горячей и жидкой, но тут же впитывалась в кожу, вызывая легкое жжение.

– Это защита, – объяснила Анастасия. – Тебе, мой мальчик, предстоят нешуточные испытания.

Глава 5

Белкин, как всегда, поднялся поздно. И, как всегда, в дурном расположении духа. Мерзкий осадок вчерашнего (водка, «наезд» налоговой инспекции) смешивался с предвкушением сегодняшнего (запах горелой ветчины, предстоящая встреча с директором «Архангела»). Он уже не мог отличить одно от другого. Призрачный запах тухлятины преследовал постоянно. Да нет, вовсе не призрачный, а вполне реальный запах: из розовой новенькой раковины смердело совковой канализацией. Белкин вывернул кран до отказа, пытаюсь струей воды забить идущую из стока вонь. Фонтан брызг обдал лицо.

«Гадость вот-вот случится», – подумал Белкин, снимая халат с вешалки. Но какая именно гадость – не знал. Знал другое: предчувствие его никогда не подводит. Если отчетливо, как телетайпная лента, проносится мысль в мозгу, значит, так и будет. Говорят, бабка его славилась провидческим даром, умела кровь заговаривать. Сын ее на войне погиб, так в ту минуту, как пуля его настигла, она накрыла черной тряпкой зеркало, а второе, незакрытое, треснуло само собой.

– Мерзкий денек, – пробормотал Белкин, входя на кухню и морщась от запаха.

Инспектируя, заглянул в мусорное ведро. Так и есть! Два ломтя великолепной ветчины обратились в угли. Но кто це-

нит его труды! Кто ценит деньги и вещи, приносимые добытчиком в дом!

Белкин плюхнулся на свое место. Танчо сидела напротив, попивая кофе из крошечной фарфоровой чашечки.

– Как поживаешь, принцесса? – Он по-прежнему обращался к дочери, как к маленькой девочке.

– Нормально.

Она старательно изображала взрослую, напяливая на себя самые немыслимые тряпки, благо папашины деньги позволяли. Интересно, чтобы она запела, если бы за любой дрянью надо было бы стоять в очереди часа по три, как это делал Белкин в молодости? Впрочем, в Питере еще можно было кое-что достать. А вот в провинции...

– Когда экзамен?

– Завтра.

– Сдашь?

Танчо пожала плечами.

– Когда я заваливалась? Помнишь такое?

Самоуверенная, вся в него. Ирина, та только орать умеет, но при малейшей неудаче ударяется в панику и прячется за мужнину спину.

– Папуль, дай полтинник, – попросила Танчо, старательно изучая осадок на дне кофейной чашечки.

– Полтинник? Да ты вчера сотню брала! – возмутился Белкин.

– Завтра последний экзамен, отметить надо.

– Да?.. А может, тебе надо подкармливать своего БЕДНОГО, – непередаваемая издевка в голосе, – студента? Как его? Толика, кажется?

– Уже нет, – Танчо поджала губы.

– Что так?

– Он хотел иметь не только стол, но и дом. То есть постель, – Танчо потрянула волосами с самым независимым видом. – Пришлось попросить его искать полное довольствие в другом месте.

– Приятно услышать, что очередной нахлебник испарился.

– Я просто хотела помочь. А придурок тут же вообразил Бог знает что!

Черт возьми, красивая девчонка, глаза так и жгут. Но что-то во взгляде есть такое... что-то, вызывающее желание, нет, не обнять, а отступить на шаг.

– Да, да, тебе нравится быть принцессой, причем принцессой добренькой. Недаром к тебе липнет всякая шваль. Вроде той девчонки, которая явилась к нам пообедать и нечаянно прихватила с собой мамину норковую шапку. Одно приятно – после этого случая эта тварь к нам носа не кажет.

– Я же не виновата, что все, кого я жалею, оказываются подонками!

– Так зачем тебе кому-то помогать?

– Иначе не могу.

– Что значит «не могу»? – раздраженно переспросил Бел-

кин. – Хочу тебе напомнить, что ты не своими денежками соришь, а моими. Ты еще и рубля не заработала.

Танчо нахмурилась.

– Так ты дашь полтинник, или нет? – спросила надменно.

– Ладно, раз уж конец сессии, дам, – милостиво пообещал Белкин.

Тем временем Ирина поставила перед ним тарелку. Яичница с ветчиной – любимый мужнин завтрак.

– Ветчинка-то у тебя подгорела, – морщился Белкин,ковыряя вилкой в тарелке. – А еще два куса выбросила. Почему нынче ветчина? Дорого. Неэкономная ты хозяйка. При моих доходах могла бы...

– Ну вот, опять! – страдальчески закатила глаза Ирина. – Подумаешь, какой-то кусок. Мелочь!

– Мне эти мелочи с неба не валятся! За каждый рубль драться приходится. Когтями и зубами! И за все платить! За все это! – Широким жестом Белкин обвел кухонный гарнитур из натурального дерева, похлопал по обитой бархатом спинке «уголка», выразительно ткнул пальцем в стеклянный шар светильника над головой. – Даже в этой скатерти частица моего пота и моей крови! – Белкин потрогал свежий шрам на лбу – след от удара обрезком водопроводной трубы, дело рук неизвестных налетчиков. – Не говоря о самой квартире! Но никто не ценит!

– Да ценим мы, ценим! – спешно воскликнула Ирина, пытаясь прервать бесконечную тираду.

– Вот– вот, «цени-и-м», – передразнил Белкин. – Да какой тон! Думаешь: лишь бы отвязался! К собаке и то лучше относятся. Кофе сладкое не можешь сделать.

– Сладкий, – автоматически поправила Танчо.

– Сладкое! – настоял на своем праве коверкать слова Белкин. Он оттолкнул чашку с недопитым кофе и поднялся. – Я сегодня поздно, – предупредил он кухонную мебель и сидящих на ней женщин.

– Я в институт, на консультацию. – Танчо поднялась следом.

– Идите, куда хотите. – Ирина отправила в рот кусок ветчины, делая вид, что утренний разговор, такой же, как сотня других утренних разговоров, не произвел на нее никакого впечатления.

Но Танчо видела, что мать уязвлена.

– Мама, у него работа нервная, – попыталась оправдать отца Танчо.

Ирина взорвалась:

– Тоже мне, князь! Явился в Питер из какой-то сраной деревушки под названием Говняные столбы...

– Он же городской и вовсе не... – попыталась возразить Танчо.

– Все равно приезжий! Если бы я на свою площадь его не прописала в свое время, неизвестно, где он сейчас был, каким бизнесом занимался, сидел бы в своих Говняных столбах, коровам хвосты крутил! – Ирина закурила сигарету.

Пальцы у нее дрожали. – Почему он об этом не помнит, когда каждое утро в нос своими деньгами тычет! В конце концов, любой порядочный мужик обязан семью обеспечивать! Что ж тут особенного? А этот вообразил себя благодетелем. Тоже, мне пуп Земли! Свинья! И ты точно такая же, вся в него! – напустилась в конце концов на дочь Ирина и, вскочив, бросилась вон из кухни.

Полы китайского халата развевались, как крылья тропической птицы. Дверь спальни захлопнулась с грохотом, и тут же на полную громкость зазвучала мелодия Морриконе.

Проводив глазами мать, Танчо пожалала плечами и отправилась к себе в комнату. Она давно привыкла к ссорам, особенно по утрам. Ее раздражали даже не крик и ругань, а однообразие темы: отец твердил о деньгах, мать о том, что когда-то прописала мужа к себе. Каждый день они повторяли одно и то же почти слово в слово, будто актеры, раз и навсегда заучившие классический текст.

Танчо надела черное, в обтяжку платье с открытыми плечами. Пожалуй, немного вызывающе, но зато подчеркивает тонкую талию и стройные бедра. Повернулась перед зеркалом и вздохнула. Что ни говори, платье дорогое, но вид дурацкий. Шарма нет. Или уверенности в шарме нет? Чего-то, в общем, нет, без чего любые платья выглядят дешевыми тряпками.

«Нет желания вилять задом и строить глазки, – констатировала Танчо. – Потому что... неинтересно...»

Она сняла с кульмана лист ватмана, хотела свернуть его в трубочку, чтобы вложить в тубус, но остановилась, задумавшись. Придуманый два дня назад проект теперь казался ей полным сюрмом. Впрочем, она никогда не думала о реальности его воплощения, рассматривая лишь как абстрактную идею. Но и как абстракция монорельс над центральной частью города, по которой несется трамвай на магнитной подушке – это чересчур. Нет, не стоит нести эту чепуху на консультацию. Ну разве что представить как хохму... Но ей так хотелось взять эскиз с собой... Да, да, почему бы не показать его вроде как в шутку?

Она торопливо записала лист ватмана в тубус, в последний раз глянула в зеркало, накинула сиреневый плащ и шагнула к двери.

– Тимошевич уже пришел? – крикнула мать из своей комнаты.

– Внизу ждет, – соврала Танчо – Тимошевичу она даже не звонила.

В последние дни охранник то и дело отлынивал от работы, но Танчо даже и не думала жаловаться отцу. Она была довольна, что до дверей института ее сегодня не сопровождает хмурый тип с плоским, как тыква, лицом. Танчо была уверена, что звонки с угрозой похитить ее и убить – нелепая месть Толика за отказ пустить его в койку. Танчо относилась к звонкам с полным равнодушием, чего нельзя сказать о родителях.

Небрежно помахивая тубусом, Танчо отправилась на остановку трамвая. Дорогу, как всегда, выбрала через свой любимый двор в стиле «модерн». Она была просто влюблена в здешние дома – фантастические, сказочные и одновременно современно-урбанистические. Северный «модерн» казался ей стволом, на котором должны были вырасти удивительные по своей красоте ветви. Но наступила эпоха всеобщего разрушения и хаоса, и в моду вошли башни Татлина и Дворцы советов, а модерн так и остался нерасцветшим деревом потускневшей Северной столицы.

Подъехавший трамвай был совершенно пустым. Танчо выбрала сиденье у окна, бросила рядом тубус. Знакомые здания проплывали за окнами.

«А было бы здорово, если бы трамвай летел над городом», – подумала она и, закрыв глаза, представила, как скользят внизу покатые крашенные зеленой краской крыши, блестит рыжее солнце в окнах и сверкают золотом шпили...

Танчо открыла глаза. О, черт! Трамвай уже стоял на ее остановке. Она едва успела выскочить наружу, как двери захлопнулись. Тут только она вспомнила, что оставила в вагоне тубус. Значит, ее дурацкий проект не суждено никому увидеть! Пусть так...

Оглянувшись, она с удивлением увидела, что трамвая нет. За пару секунд он никак не мог успеть умчаться и скрыться из глаз. Трамвай просто исчез.

Глава 6

«Я достал записную книжку и набрал нужный номер. Пальцы, нажимающие кнопки телефона, дрожали. На том конце провода трубку сняли сразу. Я не представился, в этом не было нужды. Прежде чем мне задали вопрос, сказал, что согласен.

– Вы уверены? – Человек говорил со мной шепотом, будто чего-то боялся.

– Абсолютно.

– Хорошо... – Он замолчал. Я слышал, как он тяжело дышит в трубку. – Хорошо, – повторил он, – завтра до рассвета выйдете из дома...

– Что значит «до рассвета»? – перебил я. – Сейчас июнь, белые ночи.

– Да, да, конечно. Но это вам решать, что значит – «до рассвета». Идите к Столетней башне и садитесь в трамвай.

– А дальше?

– Дальнейшее – ваше дело. Сядете в трамвай и прыгнете вниз, когда сочтете нужным.

Мой собеседник повесил трубку. А я в недоумении продолжал смотреть на безмолвный телефонный аппарат. Ход эксперимента представлялся мне совершенно иначе. Меня пригласят в институт, поместят в специальную камеру, оплетут проводами и... Вместо этого какой-то бзикнутый тип со-

общает мне, что я должен ни свет, ни заря сесть в неизвестно откуда взявшийся на монорельсе трамвай. Скорее всего, меня нагло разыгрывают. Но самое смешное то, что завтра я поднимусь в четыре часа утра и отправлюсь к Столетней башне садиться на дурацкий трамвай. Иного выхода нет. Я хочу уйти. Неважно— куда. И даже почти неважно — как. Главное — сбежать, ускользнуть... от самого себя.

Я вышел на улицу и долго стоял, запрокинув голову. Наверху, неизменный, светился голубым монорельс. И показалось, что слышится вдалеке перепев мчащихся по монорельсу колес, и замаячило над синей полосой светлое пятно лобового стекла...»

Рик захлопнул тетрадь — обычную ученическую тетрадь в двенадцать листов с зеленой обложкой и пожелтевшими от времени страницами — и отложил ее в сторону. Дневник был задуман для убедительности. Обманщик напишет мнимые воспоминания о своем мире и потом, будто невзначай, подкинуть тетрадку Ольге Михайловне, чтобы та прочла и лишний раз убедилась. В дневнике будет объяснено, почему Рик явился сюда, в этот мир, как жил прежде, и почему он, Рик, почти на сорок лет моложе самого себя. Поначалу он дивился — что же это «мама Оля» не расспрашивает его ни о чем, потом понял: она просто боится, что он не сможет объяснить все так, чтобы она смогла поверить. Боится уличить его в обмане, боится, что воскресший сын окажется жуликом и вором. Обманщик попался в собственную ловушку. Понача-

ду казалось совсем несложно придумать этот самый другой мир, из которого он якобы явился. Рик набросал несколько фраз... И тут же порвал страницу. Потом составил план, но опять все порвал. Чувства переполняли его. Слова походили на камни. Рик чувствовал, что запутывается. Придуманное начало жить самостоятельной жизнью. И кто знает, может, он не сочиняет вовсе, а просто силится вспомнить. И даже дурацкий трамвай, призванный перебросить его из одного мира в другой, не выдуман, а существует...

Можно, конечно, выбросить дурацкую писанину, перекантоваться у «мамы Оли» денька три и сбежать. Но Рикуну сбежать не хотелось. Хотелось остаться. Надолго. Хорошо бы, навсегда. Еще вчера жизнь казалась мерзкой, все люди – подлецами, а сам он был то сволочью, то Богом. Ни та, ни другая ипостась его не устраивали. Сегодня прошлая жизнь сделалась не просто вчерашней, а чужой. Рик вспоминал свое прошлое и поражался: как он мог так примитивно мыслить, так выпендриваться, стараясь самоутвердиться? Все слишком мелко, глупо и, главное, неинтересно новому Рикуну. Он даже не пытался оправдать свои прошлые поступки: в прежней жизни действовал другой человек, и Рик относился к нему почти равнодушно. Единственное, что казалось привлекательным в том, прежнем, так это способность предаваться мечтам, полностью погружаться в призрачный мир, заставляя и других верить в свои фантазии. Но эта способность перешла к Рикуну нынешнему. Так что у Рика прежнего

не осталось никаких достоинств.

Кем он был в жизни прежней? Нищим. Это было его единственное, все определяющее качество. В детстве больше всего на свете он ненавидел книжку «Принц и нищий». И еще тех, кто изобрел макароны. Пахнущие обойным клеем, серые, осклизлые черви, их ели вечером и разогревали утром, если, конечно, оставалось на утро. Но и макароны бывали в доме лишь после мамшиной получки, пока отец не пропивал деньги.

А мир вокруг жадно двигал челюстями, пережевывал мясо и наблюдал за Риком, ожидая, когда же тот ошибется. Рано или поздно произойдет падение. Рик и сам знал, что оно неотвратимо, как то, что сначала человек вырастет, а потом состарится, неизбежно, как смерть в конце пути. Но самое страшное, что в час, когда нищий оступится, к нему не будет снисхождения.

Господи помилуй!

В школе был у Рика друг Славка, и друзей все называли неразлучными. Славка подкармливал его конфетами и мороженым, а Риковы кулаки оберегали субтильного сыночка благополучных родителей. Рик непревзойден был в уличных драках – жилист, изворотливей дикого зверя, а удары, разбивавшие чужие носы, мгновенны и точны. Но Рик бросил школу, и дружба прервалась мгновенно. Поговаривали, что Славка с приятелями занялся бизнесом и процветает...

Но черт, настоящий черт, рогатенький, подленький, пах-

нуший серой и гниющей паутиной, черт толкнул их снова! О, Станислав Великодушный! Как щедро ты сорил деньгами перед старым приятелем, угощал водкой и почти насильно впихнул в карман несколько двадцатидолларовых бумажек, не считая...

– Подарок от меня, – повторял Славка, похлопывая Рика по плечу.

Деньги разлетелись мгновенно. Рик даже припомнить не мог, на что потратил. Ботинки новые купил, джинсы, куртку... Матери отдал половину – долги раздать, да жратвы купить, ну и младшеньким что-нибудь из одежды. Не вышло. В тот же вечер отец у матери все деньги выманил и загулял с друзьями – пили все, соседи снизу и сверху, из дома напротив являлись какие-то никому неизвестные краснорожие личности. Даже Орестик с Клавдьюшкой валялись на полу пьяные. С кем Рик подрался, и из-за чего – было уже не вспомнить. Очнулся он на лестнице, сидел, привалившись к стене, а рубашка на боку была мокрой и отвратительно липкой. Рик хотел встать, но не мог, хотя пьян-то был не сильно. Тело обливалось холодным потом и валилось обратно. Соседка поднималась по лестнице, глянула на него, и лицо ее сделалось белым и перекошенным, будто в треснутом зеркале... Потом откуда-то возникла девица в белом халате, похлопала Рика по плечу, тронула пальцем бок, отчего внутри Рика что-то дернулось, как живое, и крик сам рванулся из глотки. Девица поглядела на пальцы, измазанные красным,

вздыхнула и сказал: «Пошли, все равно нести тебя некому». И он покорно поднялся и пошел... Когда Рик выписался из больницы, то ни новых ботинок, ни джинсов дома не нашел, да и работы своей по ремонту квартир успел лишиться. В бригаде «халтурщиков» его место занял новый расторопный парнишка.

И снова возник Славка, и снова щедро одарил... А потом...

Потом был разговор в маленьком пустом баре на углу, они со Славкой сидели за столиком у окна, а девица за стойкой перекладывала на витрине шоколадки и яростно зевала, прикрываясь пухлой ладошкой.

– Есть дело для тебя, – сказал Славка, на этот раз без дружеской улыбки, а напротив, хмуро. – Один гад мне мешает.

– Побить его надо, что ли? – предположил по старой школьной памяти Рик.

– Нет, проще. Замочить.

– Как-то не доводилось мокрыми делами заниматься, – Рик усмехнулся. – И охоты пробовать нет. Драка – там просто. Я ему в нос, и он мне в нос, если достанет, конечно. А тут как?

– Если завалишь этого типа, я тебе долг прощу. Ты мне тысячу баксов должен, или забыл?

– Не понял... – Рик почувствовал, что внутри у него противно холодеет. – Какая тысяча баксов?

– Деньги у меня брал? Брал. Так вот и гони их обратно в

три дня. Или кончай этого типа. На выбор.

– Но ты же их мне подарил! – выдавил наивный драчун.

– Ты видел, чтобы кому-то просто так давали тысячу баксов? А? Разве я похож на психа?

Рик лихорадочно пытался вспомнить, сколько же Славка на самом деле ему дал. Выходило, никак не больше пяти сотен.

– Не волнуйся, я добавлю еще пару тысконок, когда дело будет сделано, – расхохотался Славка и потрепал старого приятеля по плечу.

– Кто он? – Рик изобразил полную подавленность, и прикидывал тем временем, как же ему удрать из дурацкой ловушки, в которую Славка его заманил.

– Один мудила. Гребнев. Арс Гребнев. Я с ним кое-какие дела имел, – сообщил Славка, вполне поверив в Рикову покорность. – Обещал камушки принести. Я уже покупателя нашел. А он меня кинул.

Итак, Рику предложили выбирать. Жизнь человека или тысяча баксов. Не то чтобы жизнь человеческая казалась Рiku какой-то высшей ценностью, он вполне мог убить во время драки или из ненависти – во всяком случае в мыслях он это допускал, – но чтобы вот так, из-за угла, как науськанный пес, кинуться на жертву? Ну уж нет! Неужели это разжиревший тип вообразил, что его, Рика, так легко прибрать к рукам?! Не выйдет. Он вернет деньги и будет свободен. Но где взять тысячу баксов за три дня? У родни в долг не наберешь,

родня – одна голытьба. И друзей нет таких, у кого по полкам лишние тысячи валяются. Мать сказала: коли веришь, Господь поможет и чудо сотворит. Пошел нищий в церковь, свечку Николе Чудотворцу поставил, потом лотерейных билетов купил десять штук – и все мимо! Не выиграл ни гроша. Только понял, что Богу на него наплевать.

Господи помилуй!

Он съездил к тетке: та всем рассказывала о новом ухажере – и умен он, и богат. Может, подсобит? Но ухажер оказался очередной сказочкой для подруг и родни. Покормила тетка непутевого племянника картошкой с мясом, в ванной разрешила помыться и дала двадцатку на дорогу. На прощанье сказала: «Уж ты как-нибудь!»

Господи помилуй!

Вернулся домой, мать в истерике, и младшенькие, Орест с Клавкой ревмя ревут, в угол забившись.

«Твои дружки приходили! – заорала мать. – И Славик с ними. Спросили, где ты. Я отвечаю: «Не знаю». Тогда один схватил кастрюльку с плиты – а в ней кипяток только с огня – и Оресту на голову вылил. Я руку подставить успела, так что малого считай почти и не обожгло. А меня... смотри... – Она сунула Рiku в лицо покрытую волдырями руку. – Что ж это такое?! За что?!»

«Может, Славку пришить?! Уж он-то точно погань!» – подумал Рик.

Убивая, сам становишься смертен... Глупая фраза, откуда

она? Что ж, придется, как всегда, выбирать между дерьмом и тем, что еще дерьмовее.

Господи помилуй!

Тетку Рик выследил в сбербанке. Набрал бланков и сел за столик, сделав вид, что старательно их заполняет. А сам следил за теми, кто валюту меняет. Тетка так и просилась ему в руки: кофта ярко-желтая в пунцовые цветы на пышной груди топорщится, задница трикотажной юбкой обтянута. Баксов тетка меняла аккуратно тысячу, а полученные деньги завернула в газетку и на дно авоськи для маскировки сунула.

Рик последовал за намеченной жертвой – издалека видна была ярко-желтая кофта. Едва тетка зашла в подъезд, как Рик устремился следом. И так удачно: в парадной ни души, и темень такая, будто уже ночь на дворе. Рик одной рукой схватил сумку, а другой изо всей силы толкнул тетку на каменные ступени. В следующую секунду Рик уже мчался проходными дворами, ныряя из одного переулка в другой. Интересно, что хотела тетка купить на эти деньги? Холодильник? Телевизор? Уж верно, не человеческую жизнь.

Господи помилуй!

В тот же вечер Рик зашел к Славке. Тот был дома один. Встретил со сладкой улыбочкой на губах, будто роднее человека у Рика и не было никогда.

– Ну что, решился? – спросил Славка, смеясь.

– Решился, – засмеялся в ответ Рик, открыл сумку и показал пухлую пачку денег. – Только ничего ты, друг верный,

не получишь. И мокрушником я не сделаюсь, и денег тебе не отдам. Ухожу я, исчезаю, ясно?!

– Куда исчезаешь? – не понял Славик.

– В другой мир. – И звезданул дружку между глаз.

Тот свалился на пол кулем. Рик пнул Славика в живот, раз, другой. Наклонился, прошипел в ухо:

– Тронешь моих – убью.

Домой Рик больше не вернулся. Две недели деньги мотал, и уже к исходу веселья повстречались ему Серж со Светкой. Помнится, взяли они в ларьке две бутылки шампанского полусладкого, бутылку пива, две воблы и шоколад на закуску, завалились к Сержу. Остаканился Рик и забыл, кто он и откуда, воблой заел и в самом деле уверовал, что мчался в си-нем трамвае над укрытым туманом городом и сиганул с зад-ней площадки вниз. Упал, но не разбился, только судьба его перевернулась начисто. И стало у него все новое: и жизнь, и жильё. И даже мама, настоящая мама у него теперь есть!..

Глава 7

День выдался на редкость удачный: с раннего утра, пере-скакивая с электрички на электричку, Рик сумел распродать две полные сумки газет, и не только вернул деньги, одолженные у «мамы Оли», но и набил на обратном пути обе сумки жратвой. Покупал он с остервенением человека изголодавшегося, пока не иссяк весь его «приварок». Он так вошел в роль, что уже на самом деле считал себя сыном, вернувшимся из дальних странствий к престарелой матери.

И вручая Ольге Михайловне свою добычу, внутренне не кривился, произнося «тебе, мама».

– Хорошо тут у вас, – пробормотал Рик, разомлев после еды на жаркой кухне. – Грязи многовато, конечно...

– Я не прибиралась сегодня. Не успела, – смутилась мама Оля.

– Не о квартире говорю, – махнул рукой Рик, – тут полный порядок. Я о мире вашем. Мир ужасно грязный. Но что-то есть в нем такое... вкусное...

– Ты надолго к нам? – спросила старуха, и голос ее дрогнул.

– Неизвестно. Тут не всегда спланируешь, – усмехнулся Рик. – Сядешь в трамвай, вроде бы самый обычный, а он возьмет и отвезет тебя назад.

– Трамвай? – переспросила Ольга Михайловна. – Тогда не ездят в трамвае. Надо же как-то оборониться.

«Оборониться...»

Вот именно! Рик вспомнил о Серже и нахмурился.

– Я заметил – дверь у тебя больно хилая, – он сделал вид, что мысль на счет двери только сейчас пришла в голову. – Замокчик булавкой открыть можно. Непорядок. Надо бы укрепить? Инструмент в доме найдется?

– А то как же!

Инструментами был набит огромный старинный сундук. Нашлись и металлические накладки, и шурупы и, главное, новенький солидный замок. Целых два часа Рик возился, укрепляя дверь, загоняя в дверную коробку металлические шпильки, чтобы нельзя было выбить ее одним ударом ноги. От профессионалов это, конечно, не защита, но Сержа остановить должно. «Мама Оля» с благоговением наблюдала, как Рик работает.

– Господи, руки у тебя золотые! Весь в Сереженьку, в отца пошел! – приговаривала она.

«Для надежности Сержа еще пугнуть надобно. Можно сказать, что мент им интересовался. Нет, это уже было. Лучше сочинить, что у бабки племянш в охране работает или в частном сыске. Или в ГБ. ГБ все боятся до усера. Нет, ГБ – круто, лучше частный сыск, да, так и скажу...»

Рик решил осуществить план немедленно.

– Ну, как работенка? Нормалец? После таких трудов от-

дохнуть не грех. Выйду-ка я прошвырнусь. – Он чмокнул «маму Олю» в мягкую дряблую щеку.

– Надолго? – Она сразу встревожилась.

– Ты что, боишься за меня?! – Рик рассмеялся. – Я же взрослый.

– Конечно, конечно, но все же... – Будь ее воля, она бы его за ручку по улицам водила. Ведь ей так и не довелось ни разу поводить его на прогулке за руку.

Как ни странно, но Рик это понял. Он для нее все еще ребенок, малыш. У него противно защемило в груди: он безумно, безмерно перед нею виноват. Тем – что не настоящий. А так хотелось быть настоящим.

Прости...

Рик вышел на улицу и закурил. Над городом висела теплая и влажная июньская ночь. Интересно, что честнее – все бросить и уйти? Не притворяться больше и... Или все же остаться и попробовать... что?

Он уже прошел два квартала, когда понял, что за ним кто-то крадется следом. Тут же мелькнула мысль – Славкины подручные выследили и явились кости ломать. Рик остановился, прижавшись к корявой стене полуразвалившегося дома, поджидая. Похоже, человек был один. Шел не торопясь. Но шел именно к нему, Риду. Шел и смотрел упор. Губы снисходительно усмехались. Никогда прежде Рик его не встречал, иначе наверняка бы запомнил это скуластое лицо с резкими чертами и длинные белые волосы до плеч.

– Признайся, что струхнул, – сказал незнакомец, подходя вплотную.

«Что ему надо?» – лихорадочно прикидывал Рик, пытаясь получше разглядеть лицо незнакомца.

Но из этого ничего не вышло: лицо тут же расплылось пятном, будто Рик слишком близко поднес к глазам страницу.

– Одна маленькая услуга, – незнакомец, не скрываясь, забавлялся растерянностью мальчишки. – Ты должен провезти меня в своем трамвае.

– В каком трамвае? – переспросил Рик, посчитав, что ослышался.

– В том, что мчится над городом по монорельсу.

Рик едва не подавился сигаретой. Черт знает что! Придумал он картинку, сказку, нелепицу, и вдруг является чокнутый и хочет на его трамвайчике прокатиться. Да пожалуйста, сколько угодно. Только Рик и сам не знает – как. Но смешнее всего было то, что Рик не мог заявить, что просто ВЫДУМАЛ свой трамвай. Не мог, и все тут. Язык намертво прилип к гортани.

– Так мы договорились?

– Нет! – Рик отчаянно замотал головой. – ТРАМВАЙ – МОЙ! И никого возить в нем не собираюсь!

«Ну все, влип парень!» – пронеслось в голове.

– Зря, – прошептал незнакомец, – очень, очень зря. – И от этого шепота пробежал по спине Рика противный холодок. – Пожалеть об этом придется тебе очень скоро. Так пожалуйть,

что...

Не договорив, незнакомец исчез. Не убежал, не свернул за угол, а растворился в светлых сумерках. Рик отшвырнул сигарету и помчался назад. Идти к Сержу и устраивать спектакль ему расхотелось.

– Глюки, самые настоящие глюки, – бормотал самозванец, давясь влажным теплым воздухом. – Выспаться надо, вальерьянки выпить. Это все наследственность чертова!

Припомнил рассказы матери, что дед в сорок пять свалился в белой горячке и едва не откусил жене нос, когда та явилась в больницу его навестить. А папаша? Трезв он или пьян, речь его одинаково похожа на бред. Клавдюнька с Орестиком по-пьяни зачатые, совсем чокнутые. Только им ничего не видится, кроме жратвы. Теперь Рикова очередь пришла от глюков отбиваться.

Мальчишка уже взбежал по ступеням, дверь открыл... И замер, весь облившись холодным потом...

Глюк – это очень просто. Но вдруг незнакомец – не призрак? Вдруг – трамвай настоящий?!

Но тогда как же этот тип мог узнать про трамвай?!

Глава 8

Следующее утро Рик начал с обследования старинного дубового буфета, который занимал половину его комнаты. Эти два слова звучали, как наисладчайшая музыка. ЕГО КОМНАТА!

Бабушкин буфет. Собственность Эммы Ивановны. Вещь отличная: светлый дуб, изящная резьба, бронзовые ручки. Если его ошкурить да лачком покрыть, цены старинушке не будет. Но в чрево дубовое напихано жуткое барахло: старые бумаги и такие же старые тряпки. Люди, что жили здесь прежде, дорожили прошлым. Оно таилось по углам, источая запах бумаги, кожи, духов, оно манило пачками старых фотографий, тетрадями с пожелтевшими страницами. Смущаясь, будто воруя, открыл Рик семейный альбом. На сером, плотном, как фанера, картоне, наклеены были фотографии офицера Первой мировой. Лицо тонкое – такие теперь почти не встречаются, как говорилось – в ниточку, нос прямой, тонкие ноздри кажутся прозрачными. Полоска усов оттеняет надменный рот. Вот только глаза совершенно неподходящие для офицера: взгляд рассеянный, будто думает этот человек не о сражениях, а о загадках мироздания, параллельным мирах и роковых ошибках. Нет во взгляде суровости. Фотографии были очень странные. Почти все обрезанные чуть ниже шеи или по углам, так, чтобы не осталось погон. Попадались

кусочки больших фото, но офицер был на них один – все, кто прежде находились рядом, напоминали о себе либо кистью руки, либо лоскутом шинели. Лица боевых товарищей неведомый варвар срезал так же, как и погоны. За обложку альбома были вложены несколько разрозненных страниц, даже не желтых, а бурых от времени, исписанных фиолетовыми чернилами.

«Курица – не птица, прапорщик – не офицер», – теперь это моя любимая поговорка».

На второй страничке:

«...Тимошевич опять заснул на часах. Разбудил его. Бить не стал, не могу, хотя Дорф советует избить мерзавца. Дорф бьет его до крови, но все без толку – тот утрется, и дальше спит. По закону его надобно отдать под трибунал. Но не могу. И Дорф тоже не может...»

И наконец, на третьей страничке:

«...назначена на завтра, жду секундантов. Глупо. Архаично. Но отказаться никак нельзя. Вчера был уверен, что не погибну, но сегодня уверенность эта растаяла...»

М-да, занятные у Рика объявились родственнички. Интересно, кем эти заметки писаны? Скорее всего, мужем Эммы Ивановны. Кажется, мама Оля говорила, что дед, Станислав Крутицкий, был офицером в Первую мировую. И фотографии эти наверняка его. Только зачем их так искромсали?

Рик уже хотел закрыть альбом, но тут из него выпала фотография молодой женщины в белом крепдешиновом пла-

тье. Русые волосы были валиком приподняты надо лбом, глаза чуть прищурены, губы улыбались.

«Мама Оля», — догадался Рик, рассматривая карточку пятидесятилетней давности.

Что-то знакомое почудилось ему и в улыбке, и в прищуре глаз, будто много-много лет назад он видел эту женщину... Помедлив, Рик поставил карточку на буфет.

Да, немного сокровищ наковырял бы Серж, забравшись в квартиру. Ну разве что буфет взвалил бы на плечи и уволок. Так ведь пупок от такой добычи развяжется. Буфет двум здоровенным мужикам не сдвинуть. И тут, повинувшись внезапному наитию, Рик тронул макушку буфета. Она слегка покачнулась. Рик ухватился за боковушки и снял верхнюю часть буфета, украшенную гранеными зеркальными стеклами, поставил на пол. Потом вынул из углублений две точеные дубовые ножки, на которые опирался верхний шкафчик. Так и есть! Ножки были составными. Рик отвинтил основание одной, и открылась сверленная полость. Увы, совершенно пустая. Рик разобрал вторую ножку. Опять ничего — лишь клочок папиросной бумаги застрял в деревяшке, а на нем карандашные каракули. Подойдя к окну, Рик с трудом разобрал два слова: «Перунов глаз».

М-да, если тут и был клад, то до него кто-то добрался раньше Рика, и наверняка этот «кто-то» не мама Оля. Оказывается, Сержу не первому пришла мысль обчистить старушку. Если подлость можно сотворить, для нее непременно

найдется подлец. Утреннее благодушное настроение улетучилось – Рик злился то ли на себя, то ли на неведомого вора.

«А вот я бы ни за что не взял бриллианты! Я бы их маме Оле отдал!» – Рик даже возгордился от мнимого своего благородства.

И тут озноб пробежал по спине. Откуда он *знал*, что в ножке были спрятаны именно бриллианты? Но ведь знал же! Знал! Опять глюк? Рик спешно собрал буфет и вышел на кухню. Мама Оля уже приготовила завтрак и разливала по чашкам кофе. Настоящий кофе! Рик втянул ноздрями аромат... наверняка достала где-то припасенные зерна и вот для него...

– Мамуль, а те бриллиантики, что Эмма Ивановна хранила... – спросил он равнодушным тоном, пытаясь придать голосу естественности. – Они в этом мире... как...

Сделалось неловко – хоть вскакивай и беги. Нет-нет, он бы не взял их ни за что! Но все равно было нестерпимо стыдно.

– Так их украли еще до войны, из сумочки в трамвае вытащили, – отвечала Ольга Михайловна. – Эх, если бы они уцелели! В блокаду их можно было бы продать... – Она замолчала. Сколько раз мысленно она возвращалась к тем камням, и всякий раз от боли стыло сердце.

– Вот-вот, в моем мире их не украли, ты продала, купила масло и рис... – он врал торопливо, захлебываясь, а в мозгу пульсировало: «Вранье, камни были в ножке еще недавно, совсем недавно... Кто-то свистнул... У мамы Оли украл,

значит. У того, настоящего Эрика слямзил вместе с жизнью!»

– Я их верну, – внезапно сказал Рик.

– Зачем? – изумилась Ольга Михайловна. Однако не спросила, как он собирается это сделать спустя столько лет.

– Не знаю... я вернулся... камни должны вернуться... все вернется...

Рик запутался и замолчал.

Пора было отправляться на заработки. Дальнейшая собственная судьба представлялась весьма смутно, как судьба исчезнувших неведомо когда камней. Рик выпал из своего мира в чужой и непривычный. Но в тот момент, когда открылась дверь из прежнего обиталища в новую жизнь, где-то синхронно отворилась еще одна дверь, ведущая в мир высший и таинственный.

Занятый своими мыслями, он не обратил внимания на двух парней с бритыми затылками, в кожаных куртках и просторных шароварах, стоявших на втором этаже. Но когда Рик проходил мимо, один из парней схватил его за ворот рубашки.

– Это ты, б..., вселился сорок вторую?! – прорычал обладатель кожаной куртки.

– Тебе-то что? – дернул плечом Рик в бесполезной попытке освободиться.

– Ты, урод, кончай базар. Сегодня чтоб исчез! Эта нашен-

ская хата.

– Что значит – твоя?! Купил ты ее, что ли?

– Мы ее наследуем, – проговорил второй, жуя слова, как колбасу. – Бабка нам завещает. А ты глянь, Кошелек, он тебя не уважает...

– Валили бы вы отсюда, наследнички хреновы! Оставьте бабу в покое, она теперь не одна, ясно?! – Рик схватил Кошелька за руку и вывернул кисть так, что тот взвыл по-свинычьи и грохнулся на колени.

Второй «качок» выбросил вперед кулак, метя Рику в лицо, но угодил в кирпичную стену, а Рик возник у него за спиной, и с разворота ударил ногой в спину, припечатывая к стене. После этого надо было сваливать – двоих Рику никак было не одолеть. Но он остался – не мог он убежать, и все. Потому как упустив его, «качки» наверняка бы рванулись в квартиру, решив, что бабушку легче запугать, чем пацана. Надо было спустить этих обоих с лестницы.

Но пока Рик обрабатывал кулаками упитанные бока Кошелька, напарник успел очухаться, и изо всей силы ударил Рика в висок. Перед глазами поплыл багровый туман, а из тумана выросла огромным каменным древом старинная башня. В стрельчатых окнах тлели хмельные огни, и плыли по реке странные, похожие на хищных птиц, корабли...

«Почему не могу я туда попасть? – недоуменно подумал Рик. – Ведь это так просто..»

Тут щеку обожгло болью, и он очнулся. Кошелек держал

его за волосы, а лицо было мокрым от крови.

– А теперь слушай... – далее пару строк непечатно. – Вечером к бабке агент придет. Маляву подписывать. Если будешь на хате ошиваться – считай, ты – жмурик. – Кошелек с наслаждением погрузил ботинок в бок Рiku. – Прощай, урод, больше не свидимся.

Второй не ругался – ударил молча. Решив, что «обучение» прошло успешно, парочка неспешно удалилась. Теперь, когда напряжение после драки начало спадать, Рик ощутил острую боль в щеке. Он поднес руку к лицу, не понимая, откуда столько крови – вся рубаха была забрызгана красным. Потом нащупал глубокий порез на щеке и понял, что его полоснули бритвой. Раненый поднялся, цепляясь за стену и постоял с минуту, решая, что делать – возвращаться в квартиру или попытаться добраться до ближайшего травмпункта. Нет, в квартиру никак нельзя возвращаться – маме Оле плохо станет, если она увидит обожаемого сыночка в таком виде. А до травмпункта не так и далеко, если проскочить проходными дворами и через парк. Крови у человека пять литров. Так что литр вполне может вытечь – и ничего... вполне может...

Рик вышел из парадной и натолкнулся на Сержа. А этот откуда здесь? С теми двумя пришел? С него станется...

Серж сделался белый, как простыня на нынешней Риковой кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.